

власти на бывших оккупированных территориях, особое место в исследовании этого аспекта играют послевоенные суды НКВД над военными преступниками⁴⁰. В 1990-х гг. Мемориальный музей Холокоста (Вашингтон) получил копии личных дел коллаборационистов Украины, Крыма, Молдавии, прибалтийских республик. Сегодня эти источники — в открытом доступе в музейном архиве. Его работники, имея целью собрать документы по истории Холокоста, выбирали для своей коллекции только соответствующие дела. Западные исследователи ориентируются в первую очередь на данные документы, однако они труднодоступны для отечественных историков. Поскольку к 1991 г. в западных университетах уже сложилась практика изучения Холокоста, то во многом коллаборационизм в СССР стал частью именно этой истории, а не событий Великой Отечественной войны.

При работе с документацией послевоенных судов над коллаборационистами историки сталкиваются с рядом методологических трудностей. В результате в современном научном сообществе сформировались две противоположные точки зрения об использовании данного вида источника для изучения рассматриваемой темы. Наиболее спорным остаётся вопрос о том, являлись ли люди, осуждённые в ходе этих процессов, действительно преступниками, совершали ли они то, за что их осудили? Ведь в годы Большого террора протоколы составлялись следователями ещё до начала допросов, и для осуждения человека было достаточно лишь его признания, которого часто добивались посредством физического насилия⁴¹.

Как полагает Ф. Экселер, изучение практик послевоенных судебных процессов над преступниками в СССР, даёт намного больше информации относительно его послевоенной судебной системы, нежели о реальных действиях людей в годы оккупации⁴².

Хотя во время Нюрнбергского процесса СССР играл не последнюю роль, осуществлявшееся на его территории правосудие, считает Ф. Хирш (Висконсинский университет, Мэдисон), вряд ли соответствовало стандартам западного судопроизводства⁴³.

Другие же исследователи заявляли, что если в ходе судебных процессов 1930-х гг. жертвами репрессивной советской машины часто становились невиновные⁴⁴, то коллаборационисты действительно совершали преступления во время оккупации⁴⁵. Кроме того, методы ведения связанных с этими людьми судебных дел, отмечает Л. Виола, не имели ничего общего с периодом Боль-

d'une epuration de guerre européenne: la repression de l'intimité avec l'ennemi et de la parenté avec la traître // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 61. 2013. № 2. P. 196—222; Prusin A. «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946 // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 17. 2003. № 1. P. 1—30; Енифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997.

⁴⁰ *Penter T.* Local Collaborators on Trial. Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943—1953) // *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 49. № 2. P. 341—364; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation and Trial Documents and Their Relevance for Holocaust Studies // *The Holocaust in the East. Local Perpetrators and Soviet Responses* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A.M. Martin. Pittsburgh, 2014. P. 142—157.

⁴¹ *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. N.Y., 2017. P. 17, 22.

⁴² *Exeler F.* The Ambivalent State... P. 611.

⁴³ *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg... P. 703.

⁴⁴ *Cadiot J., Penter T.* Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 61. 2013. № 2. P. 168.

⁴⁵ *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 20—21.